

УДК 388.22:141.32

Экзистенциально-нравственный смысл предпринимательской деятельности

В.И. Орлов

Термин «смысл» в философии и традиционной логике обычно рассматривается как синоним термина «значение». В современной логике (например, в теории значения имен Г. Фреге – А. Черча) эти понятия различают, однако мы в дальнейшем будем считать их тождественными. Под экзистенциальным же смыслом чего-либо мы будем понимать, в первую очередь тот смысл, который объект обретает в процессе своего исторического развития, то есть автор будет исходить из того понимания термина «экзистенциализм», данное Ж. П. Сартром в его программной работе «Экзистенциализм – это гуманизм». Сартр, отмечая, что существует как христианское направление в экзистенциализме (К. Ясперс, Г. Марсель), так и атеистическое (А. Мольро, А. Камю, М. Мерло-Понти, М. Хайдегер), говорит о том, что, несмотря на различия между этими направлениями, между ними есть одна общая черта. «Тех и других, – считает он, – объединяет лишь убеждение в том, что существование предшествует сущности, или, если хотите, что нужно исходить из субъекта» [1].

Смысл того, что существование предшествует сущности, французский философ раскрывает на примере бытия человека. «Это означает, – пишет он, – что человек сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом он определяется. Для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и проявляет волю уже после того, как начинает существовать, и после этого порыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает» [1, с. 323].

Конечно, для представителей религиозного экзистенциализма дело обстоит по-иному. Для них тезис Ж.-П. Сартра означает лишь отсутствие изначальной, имманентной человеческой сущности. Однако последняя представляет собой нечто трансцендентное по отношению к человеку и принадлежит его Творцу – Богу. Известные слова Ф.М. Достоевского (которого многие считают предшественником экзистенциализма) о том, что если Бога нет, то все возможно, – атеистические философы экзистенциального направления понимают так: из непреложной для них истины отсутствия Бога, следует, что человек может стать кем угодно, в зависимости от того, кем он будет себя делать. Христианские же экзистенциалисты добавляют к словам Достоевского следующее рассуждение: «А так как Бог есть, то возможно не все, а лишь то, что Он допускает».

Таким образом, человек существует как изначальный план подлинного человека, а если он реализует себя не в соответствии с этим планом, то это будет нарушением экзистенциального смысла человека, однако само это нарушение не является только лишь проявлением свободы воли человека, но происходит по Божьему допущению. Таким образом, в рамках религиозного экзистенциализма, в отличие от атеистического, экзистенциальный смысл носит телеологический характер, а значит, религиозный экзистенциализм, отвергая имманентную сущность, и утверждая трансцендентную, – тем самым выходит за рамки экзистенциализма как такового.

Принципиальное различие между атеистическим и религиозным направлением в экзистенциализме состоит в том, что в рамках первого понимание мыслится каузально, а в рамках второго – телеологически, то есть в терминах финитных целей существования объекта (причем речь идет в обоих случаях о понимании смысла). Если экзистенциальное понимание смысла носит всегда исторический характер, то и понимание экзистенциально-нравственного смысла бизнеса возможно лишь в историческом плане, как анализ эволюции бизнеса в его бытийно-феноменологическом аспекте. Причем, если каузальное понимание носит научный характер, то телеологическое, по мнению Г.Х. Вригта, таковым не является, что не означает бесплодности этого объяснения, наоборот, в практическом аспекте оно может быть намного эффективнее, по сравнению с каузальным. «Телеологическая интерпретация истории и социальной жизни, – считает Г.Х. фон Вригт, – может разными путями оказывать влияние на людей. Интерпретация в терминах имманентных или трансцендентальных целей может, например, заставить нас покориться происходящему, поскольку мы будем считать, что так осуществляется неизвестная нам цель. Или же у нас может появиться убеждение в необходимости действия во имя целей, которые как мы полагаем, установлены не случайной волей отдельных людей, а самой природой вещей или волей Бога» [2].

Таким образом, телеологическое объяснение, являясь ненаучным, однако, не только практически полезно, но еще и обладает определенным потенциалом истинности, опять таки, телеологической (но не каузальной). Автор не претендует на знание последней, а потому, его рассуждения о телеологическом смысле человеческой деятельности будут носить лишь гипотетический характер.

Для понимания экзистенциально-нравственного смысла предпринимательской деятельности предворительно необходимо на концептуальном уровне выяснить смысл таких понятий, как предпринимательская деятельность и бизнес, которые широко используются в современной научной литературе. Безусловно, они не тождественны между собой. М. Жудро выделяет пять точек зрения в подходах к определению смысловых нагрузок понятий «бизнес» и «предпринимательство». Согласно первой точки зрения, эти понятия синонимы. По мнению второй группы авторов, допустима определенная взаимозаменяемость этих понятий при описании хозяйственной деятельности субъектов рыночной экономики. С их точки зрения, понятие «бизнес» гораздо шире, чем понятие «предпринимательство», и его можно толковать как систему производства для удовлетворения потребностей и желаний общества, охватывающую отношения между всеми участниками рыночной экономики: предпринимателями, потребителями, наемными работниками, служащими государственных структур, представителями коммер-

ции и торговли. Третья группа авторов убеждена в существовании существенных различий понятий «бизнес» и «предпринимательство», как в экономическом, так и в юридическом плане. Четвертая группа авторов считает, что «предпринимательство» – это интеллектуальная деятельность энергичных, инициативных людей по осуществлению наиболее важных и трудных проектов, а «бизнес» связывают с коммерцией, торговлей, деловой активностью. Пятая группа авторов считает общей характерной чертой понятий «бизнесмен», «предприниматель» непосредственное владение собственностью [3].

В данной статье под бизнесом будем понимать деятельность по организации производства в условиях рыночной конкуренции, связанной с владением собственностью. Не всякий предприниматель является бизнесменом. Например, руководитель государственного предприятия, работающего в условиях рыночной экономики – это предприниматель, но не бизнесмен, так как он не владеет предприятием и ведет дело не на свои деньги. Он практически ничем не рискует, но и не имеет большого личного выигрыша от результатов предпринимательской деятельности. Таким образом, бизнесмен – это не просто предприниматель, это частный предприниматель, человек, ведущий дело на свой страх и риск, на свой капитал и несущий полную ответственность за результаты своей деятельности. Без частной собственности на средства производства нет бизнесменов и нет бизнеса как такового. Следовательно, синонимами в работе будут понятия «бизнес» и «частнопредпринимательская деятельность», и соответственно – «бизнесмен» и «частный предприниматель»,

Вначале отметим, что не все мыслители считают бизнес как социальный феномен и бизнесменов, буржуазию – носителем телеологического смысла. Так, например, известный французский семиолог Р. Барт даже отрицает за всей буржуазной идеологией смысловую значимость. «Первые буржуазные философы, – отмечает он, – наделяли мир массой значений, давали любым вещам рациональное объяснение, подчеркивая их предназначенность для человека; буржуазная же идеология независимо от того, является ли она сциентистской или интуитивистской, констатирует ли факты или обнаруживает значимости, в любом случае отказывается от объяснений; мировой порядок может считаться самодостаточным или неизъяснимым, но никогда значимым» [4].

Отсутствие значимости в мировом порядке, согласно Р. Барту, буржуазия компенсирует идеологическим мифотворчеством, цель которого – сокрытие от общества своей сущности. «Буржуазия, – считает он, – хочет оставаться буржуазией, но так, чтобы этого никто не замечал; именно сокрытие буржуазией своей сущности... требует непрерывного мифотворчества» [4, с. 118]. Основная же цель данного мифотворчества, согласно французскому ученому, состоит в том, чтобы придать телеологическое значение всей капиталистической системе, дать ее экзистенциально-нравственное обоснование, показать ее укорененность в неизменной человеческой природе. Р. Барт считает, что все это возможно лишь с помощью мифов. «Ибо Природа, в которой заключают людей под предлогом увековечения, – пишет он, – в действительности представляет собой Обычай. Однако каким бы священным ни казался этот Обычай, люди должны взять его в свои руки и изменить» [4, с. 126].

Автор, безусловно, согласен с тем, что в деятельности буржуазии существует множество элементов мифотворчества, понимаемых в бартовском смысле (то есть при-

дании временному и изменчивому, историческому, статус вечного и неизменного), однако, такие элементы существуют и в деятельности других социальных групп. Сказанное не означает того, что сама сущность бизнеса не коренится в человеческой природе. Вот почему мы можем говорить о телеологическом, экзистенциально-нравственном смысле бизнеса.

Конечно, говоря о смысле бизнеса в целом, мы, безусловно, обязаны рассмотреть вопрос о существовании этого смысла в работе каждого бизнесмена. Предварительный анализ данной проблемы был проведен нами при рассмотрении бизнеса как деятельности. Особо подчеркнем, что многие авторы признают стремление к наживе сущностным свойством человека (неважно каким: трансцендентным или имманентным). Так, например, В. Г. Федотова, рассматривая распространение идеологии бизнеса среди большинства населения России (по ее терминологии – это стадия рутинизации идеи), отмечает следующую закономерность: «Смысл рыночной идеологии, получившей в фазе рутинизации преобладание над идеями демократии, состоял в утверждении неизменной природы человека, суть которой – постоянная направленность на максимум экономического удовлетворения» [5].

Конечно, автор солидарен с утверждением русского философа XVIII века А.Я. Поленова о том, что: «...собственная каждого польза составляет главный предмет, к которому как к середине, стремятся все наши помышления» [6]. Однако экономические интересы (польза) – отнюдь не носят сущностного характера: многие люди вообще пренебрегают этими интересами. Что же касается первых капиталистов, то, как показал М. Вебер, даже для них эти интересы не самодовлеющие, а обоснованы религиозными интересами. Вот почему можно полностью согласиться с В.Г. Федотовой, считающей, что: «Консьюмеристская мотивация – социальный продукт, а не врожденное свойство». [5, с. 36]. Конечно, по правилам логики, из сказанного еще не следует, что сущностью человека является отсутствие стремления к обогащению. Мы можем лишь утверждать, что оно вообще не носит изначально сущностного характера, а по своей природе экзистенциально (в смысле Ж.-П. Сартра).

Немецкий социолог Макс Вебер, не отрицая сущностного характера капитализма, ограничивал этот характер рамками только лишь западной цивилизации на определенной стадии ее развития. Этим М. Вебер радикально отличался от В. Зомбарта, который считал капитализм вечной, всеобъемлющей формой экономической жизни, в той или иной степени присущей всем народам. М. Вебер, конечно, так же не отрицал, что не только на Западе изначально присутствовало стремление к обогащению, но, он различал капитализм цивилизованный, зародившийся только на Западе, основой которого является протестантская этика, и нецивилизованный (во всем остальном, не западном мире), построенный на грабеже, обмане и т.д. А, следовательно, согласно М. Веберу капитализм западного типа можно считать единственным в своей подлинности. «Утверждая единственность или подлинность западного капитализма, Вебер отрицает наличие эндогенных факторов становления подобного в любой из известных ему цивилизаций, но потенциально допускает их приближение к капитализму западного типа посредством экзогенного воздействия западной модели развития» [5, с. 29].

На наш взгляд сама жизнь показала справедливость идей В. Зомбарта и ошибочность мыслей М. Вебера. Сущностное стремление некоторых индивидов к бизнесу, нашло свое реальное выражение не только в капитализме западного типа, но и в так называемом «конфуцианском капитализме», характерном для Японии, Тайваня и ряда других стран Юго-Восточной Азии. Конфуцианский капитализм ни в коей мере не является приближением к первоначальному образцу: западному капитализму. Наоборот, по мнению многих исследователей он генетически вообще не связан с последним, и имеет перед ним ряд существенных преимуществ. «Эти преимущества, – считает С.Б. Крымский, – определяются в значительной мере использованием традиционных структур дальневосточных культур (патернализма, конфуцианства, уважения к власти, приоритета личностных отношений перед формальными, партнерства, государственной поддержки бизнеса и др.)» [7].

Отметим, что поливариантность модели системы частного предпринимательства, как раз и является показателем не ее случайности, а экзистенциальной укорененности. «Главной привилегией капитализма ныне, как и в прошлом, – утверждает выдающийся исследователь капитализма Ф. Бродель, – остается свобода выбора... А коль скоро капитализм может выбирать, он способен в любой момент сменить курс: в этом секрет его живучести» [8].

Конечно, сказанное является лишь схемой, и как всякая схема она не свободна от недостатков. Поэтому можно привести более слабый тезис о том, что XX век повысил относительную самоценность экономики и изменил соотношение в паре сознание–бытие в сторону большей (большей, по крайней мере, по отношению к предыдущим временам) важности бытия. Причем, если по отношению к Японии и другим странам Восточной Азии это изменение носило вынужденный характер, произошло под воздействием внешней силы, то по отношению к самим западным странам оно носило характер органический и явилось результатом естественного развития бизнеса на Западе. Возникло совершенно новое мышление – экономическое, которое не творит мир, а само явилось продуктом, отражением экономической жизнедеятельности общества. Мы считаем, что появление феномена экономического мышления (как производной величины от реальной экономики) в качестве господствующего на Западе типа мышления, обусловлено однако не победой капитализма, а некоторыми особенностями развития запада в чисто духовной сфере, утратой Западом телеологичности своего бытия. Экзистенциальная роль бизнеса в данном случае никак не носит разрушительный характер: экономическое мышление лишь заполнило существующий вакуум идей.

С точки зрения нравственной, на наш взгляд, данный процесс носит позитивный характер. Дело не в том, что система бизнеса – самая нравственная система из всех возможных. Это далеко не так. Дело в том, что она наиболее нравственная из всех тех систем, которые *реально могли* заполнить смысловой вакуум на Западе. Бизнес по своей природе построен на объективной выгоде в целом нравственного поведения перед безнравственным. То есть если Запад вступил в фазу такого своего развития, при котором бытие определяет сознание, то на наш взгляд, именно бизнес, является тем структурирующим элементом бытия, который способствует сохранению нравственности в западном обществе. Конечно, в

силу своей противоречивости бизнес способствует и обратным процессам, однако в целом, он несет положительный экзистенциально-этический смысл.

Автор считает, что сложившаяся на Западе ситуация долго продолжаться не может: по объективным законам общество, в котором бытие определяет сознание постепенно, из социального, перейдет в природно-животное состояние. Наступит тот самый конец истории, о котором так много сейчас говорят. Ибо «история, – справедливо отмечал С.Б. Крымский, – выступает не только ареной внеличных сил экономики с ее «невидимой рукой» рыночного регулирования. История имеет смыслочеловеческий аспект превращения природного в социоприродное «домостроительство» жизненного топоса, развертывания хроноструктуры бытия в свершение личностных судеб, утверждения пассионарных форм жизнедеятельности и ее «осевых» духовных подсистем, поиска богоподобия человека и искупления его бед, установления планетарного размаха человеческих сущностных сил. С этой стороны всемирная история может сворачиваться в личностные структуры, двигаться к монадным формам репрезентации своих результатов» [7, с. 34–35]. Таким образом, если осевой нравственностью является действие «невидимой руки» рынка, то это уже не история с ее поиском «осевых» духовных подсистем. Но это не обязательно начало конца человечества (о котором говорят в первую очередь именно западные мыслители). Это какой-то перелом (правда, затянувшийся перелом) в духовном развитии. И бизнес, выполнив свою социально-охранительную функцию для человечества, либо утратит свое нынешнее значение, либо вообще исчезнет. Кстати, по мнению известного экономиста Л. Туроу гибель капитализма могла бы осуществиться еще в середине XX века. «Финансовый кризис 20-х гг. и «великая депрессия» 30-х, – считает он, – привели капитализм на грань гибели. Капитализм, который теперь кажется неодолимым, мог исчезнуть, если бы совершил хоть несколько ошибок» [9].

Однако, несмотря на то, что во времена этого и иных кризисов некоторые капиталисты разорились, другие выжили, что способствовало появлению нового варианта капитализма – обновленного и более эффективного, чем предшествующие ему. Изменяясь, капитализм без конца сменял самого себя. Вот почему Ф. Бродель любил часто повторять относительно него, то, что в 1784 г. говорил о коммерции один из значительнейших амстердамских деловых людей Генри Хоуп: «Она часто болеет, но никогда не умирает» [8. т. 3, с. 642]. Мы не знаем, как пойдет развитие бизнеса в будущем. Может быть с его помощью удастся удовлетворить основные потребности людей в пище, одежде и т.д. (на Западе это по- существу уже сделано) и благодаря системе частного предпринимательства для всего человечества наступит время, когда «удовлетворение материальных потребностей станет рутинным делом циклического воспроизводства экономической деятельности, а неисчерпаемость человеческого творчества будет определяться духовными координатами» [7, с. 40].

Говоря об исторической роли бизнеса, о его экзистенциальном смысле, мы обязаны понимать, что этот частный смысл тесно связан с общим смыслом человеческой истории. Конечно, многие авторы отрицают наличие последнего, по крайней мере, в телеологическом аспекте. Другие же, как раз исходят из идеи не только генетическом, но и о телеологическом единстве человечества. Так, например, автор работы «Истоки

истории и ее цель» Карл Ясперс, описывая схему некоей целостной исторической картины развития человечества писал, что: «При создании этой схемы я исходил из уверенности, что человечество имеет единые истоки и общую цель. Эти истоки и эта цель нам неизвестны, во всяком случае, в виде достоверного знания. Они ощутимы лишь в мерцании многозначных символов. Наше существование ограничено ими. В философском осмыслении мы пытаемся приблизиться к тому и другому, к истокам и к цели» [10].

Конечно, существует ряд мировоззрений, в рамках которых четко и ясно говорится о смысле и конечной цели существования человечества. Однако, мы не ставим своей целью анализ этих мировоззрений. Автор будет в дальнейшем исходить из того, что во-первых, такая цель существует, а, значит, существует и телеологический смысл человеческой истории. А, во-вторых, нам может открыться то, что Ясперс называл «эмпирическим познанием истории». «Смысл же доступный эмпирическому познанию мировой истории, – пишет он, – независимо от того, присущ ли он ей самой или привнесен в нее нами, людьми, – мы постигаем, только подчинив ее идее исторической целостности. Эмпирические данные мы рассматриваем под углом зрения того, насколько они соответствуют идее единства или противоречат ей. И тогда перед нашим взором разворачивается такая картина исторического развития, в которой к истории относится все то, что, во-первых, будучи неповторимым, прочно занимает свое место в едином, единственном, процессе человеческой истории и, во-вторых, является реальным и необходимым во взаимосвязи и последовательности человеческого бытия» [10, с. 31].

Если соотнести идеи К. Ясперса с историей бизнеса, то тогда станет ясно, что возникновение последнего – не является результатом некоторой флуктуации западного христианства. Наоборот, в духовном развитии католической Европы было уже изначально заложено нечто такое, что со временем с неизбежностью должно было привести к появлению аналогов протестантской этики, может быть даже и без протестантизма как такового. Вот как описывает эволюцию западного общества А.И. Неклесса: «В недрах западноевропейской культуры, – пишет он, – исподволь зреет алхимическое зерно – идеология антропоцентричного гуманизма, которая несет в себе идею гегемонии светского общества, предопределяя последующее появление постулатов эгоцентризма и атеизма, поскольку человек, а не Бог, становится центром вселенной» [11]. Идея А.И. Неклесса не противоречит работам М. Вебера. Конечно, протестантская этика явилась одним из важнейших факторов возникновения капитализма. Однако сама эта этика была порождением тех изменений в мировоззрении западного человека, о которых говорилось выше. Поэтому, даже если бы протестантизм вообще не возник, то в рамках западного католицизма все равно с неизбежностью возникло бы мировоззрение, на основе которого могло бы развиваться частное предпринимательство. Кроме того, мы забываем, что бизнес основывался не только на протестантской этике, но и на особом типе мышления, которое можно охарактеризовать термином «экстравертный рационализм». Экстравертность, направленность мышления на внешний мир, причем не на его созерцание, а на его деятельностное преобразование – всегда была характерна для западной цивилизации. Именно в этом ее коренное отличие от Востока. Конечно, до определенной поры данная черта западной жизни проявлялась в первую очередь, в мышлении, и не находила своего адекватного выражения в материальной деятельности,

причиной чего являлось христианство, с его изначальной установкой на то, что П. Сорокин называл идеациональной культурой.

По мнению П. Сорокина, данная культура характеризуется следующим: «1) реальность понимается как не воспринимаемое чувственно, нематериальное, непреходящее Бытие: (Sein); 2) цели и потребности в основном духовные; 3) степень их удовлетворения – максимальная и на высочайшем уровне; 4) способом их удовлетворения или реализации является добровольная минимизация большинства физических потребностей, причем в максимальной степени, вплоть до полного отказа от них» [12]. Такова в целом идеациональная культура. Но она может иметь две основные разновидности: аскетический идеационализм и активный идеационализм. И если в первом речь идет не только о минимизации плотских потребностей, но и о стремлении полностью отрешиться от внешнего мира, то активный идеационализм в основном носит деятельный характер, и его деятельность направлена на внешний мир. «Идентичный с общим идеационализмом по своим большим посылкам, – считает П. Сорокин, – он ищет удовлетворения потребностей и реализации целей не только путем минимизации телесных потребностей индивидов, но также и путем преобразования чувственно воспринимаемого, особенно социокультурного мира в направлении духовной реальности и целей, избранных в качестве основной ценности. Его носители не «бегут от мира иллюзий» и не растворяют целиком его и собственные души в последней реальности, но стремятся приблизить их к Богу...» [12, с. 48].

Конечно, по своей природе, христианство изначальное являлось выражением, в первую очередь, именно аскетического идеационализма, и лишь во вторую – активного. Такое положение дел сохранилось в восточном христианстве. На Западе же произошло полное изменение приоритетов. Католицизм стал выражением в первую очередь активного идеационализма, а во вторую – аскетического. Таким образом, внутри западной цивилизации все время жило противоречие между сущностью христианства, как такового, и его воплощением в католицизме. Данное противоречие, на наш взгляд, нашло свое выражение в стремлении построения «царствия Божьего на земле». В первую очередь это стремление выражалось в идеологии «хилиастического социализма», основы которой, по мнению И.Р. Шафаревича, были заложены еще в античности. «В Средние века, – пишет И.Р. Шафаревич, – в Западной Европе учения хилиастического социализма не раз становились основой идеологии широких народных движений. Здесь мы встречаемся с новым явлением сравнительно с античностью, где эти идеи высказывались отдельными мыслителями или узкими сектами» [13]. Следовательно, социалистические идеи – это не реакция на капитализм, это естественный продукт западной активной идеационалистической культуры, более того, для победы этих идей в человеческих умах, затем в жизни, вопреки К. Марксу, никакого капитализма не надо. Так же, как и не нужен какой-то флуктуационный скачок в общественном сознании. Достаточен лишь естественный, органический ход истории, и тогда социализм с неизбежностью бы победил. Вначале в западной Европе, а затем и во всем мире.

Такую гипотетическую победу различные мыслители расценивали по-разному. Одни, как, например, марксисты, считали прологом к светлому коммунистическому будущему. Другие же, наоборот, считали началом очень быстрой гибели всего человечества.

Так, например, И.Р. Шафаревич в работе «Социализм как явление мировой истории» пишет следующее: «Что же сказать о такой мыслимой ситуации когда социалистический идеал полностью воплотится во всем мире (а, по-видимому, лишь завоевав весь мир, он и способен осуществиться до конца)? Вряд ли можно сомневаться, что те же тенденции нашли бы тогда свое полное проявление в вымирании всего человечества» [13, с. 344]. Автор не ставит в своей работе цель проанализировать эти идеи. Для него, более важным является вопрос о том, что могло послужить главным препятствием на пути всемирной победы социализма? Для ответа на этот вопрос, мы будем исходить из того, что логически внешняя активность западного общества могла носить либо плановый характер, либо проявляться в виде свободной конкурентной борьбы.

Таким образом, альтернативой социализму не могло являться то феодальное общество, которое существовало в западной Европе: это общество не было достаточно экстравертно активным. Реальной альтернативой могла быть лишь система бизнеса, частного предпринимательства, называемая капитализмом. Однако при том ходе истории, который мы называем естественным, шансы социализма на то, что он возникнет раньше, объективно были намного выше. Во-первых, потому, что социалистические идеи, особенно при поверхностном, неглубоком с ним ознакомлении большинству людей покажутся лежащими гораздо ближе к христианским идеям, чем идеи рыночной экономики, базирующейся на частной собственности. Во-вторых, как уже отмечалось, социалистические идеи были уже достаточно разработаны еще в античном мире, а следовательно, они уже изначально имели большое преимущество в борьбе за человеческие умы. И, наконец, в третьих, самое главное: социализм построен на исключительно рациональном мышлении. На том просчитывании, научном планировании, с помощью которого социалисты собирались управлять не только экономической жизнью общества (мы не будем здесь останавливаться на проблеме принципиальной возможности или невозможности подобного рода планирования). Мышление бизнесмена также во многом рационально. Однако, бизнес в целом предполагает обязательное действие достаточно хаотических рыночных сил, той «невидимой руки» в действии которой существуют обязательные элементы случайности. Рациональное мышление не покрывает полностью бизнес, а, следовательно, сама идея социализма в данном аспекте ближе для рационального мышления, господствующего на Западе.

Итак, для своей победы, бизнесу необходим был разрыв непрерывности, тот самый флуктационный скачок в западном мышлении, который и привел к возникновению протестантизма. Таким образом, экзистенциальный смысл именно такого хода зарождения капиталистической системы хозяйствования, на наш взгляд, состоит в том, что в данном случае причинно-следственная связь исторических событий носила обратный характер. Традиционно считается (на этом предположении построена, например, индуктивная логика Бэкона-Милля), что причина должна предшествовать следствию. Однако в социальных системах может быть и обратное явление. Флуктационное возникновение бизнеса на Западе являлось следствием того, что со временем социалистические идеи победили в различных странах. Следствие не просто предшествовало причине, оно как бы упреждало причину и появлялось во многом, как единственное средство борьбы с причиной – социализмом. Верующий человек может называть это Божьим

промыслом. Марксисты назвали бы это эффектом «опережающего отражения человеческим сознанием действительности». Можно вслед за Г.В.Ф. Гегелем называть это результатом «хитрости» человеческого разума. Дело здесь не в названии. Дело в том, что, на наш взгляд кроме собственного смысла, капитализм в акте своего возникновения обрел соотносительный экзистенциально-телеологический смысл как единственная, реальная альтернатива социализму. Для чего, с телеологической точки зрения необходима была такая альтернатива? Конечно, разные авторы ответили бы на данный вопрос по-разному. Так, например, сторонники И.Р. Шафаревича утверждали бы, что для спасения всего человечества от неминуемой гибели. Однако мы не ставим своей целью поиск этого ответа. Наша задача была лишь следующей: показать, что возникновение бизнеса на западе как массового социального феномена имеет экзистенциально-телеологический смысл.

Обратим внимание на то, что мы говорим об экзистенциальном смысле бизнеса применительно лишь к его телеологическому аспекту. Но каким образом телеологическое связано с этическим? Существует ли телеологическое устранение? Датский философ С. Кьеркегор считает, что такое устранение, безусловно, возможно, на уровне отдельного индивида. Этическое, по его мнению, устраняется тогда, когда человек, как единичное становление, выше человека как всеобщее [14]. Однако это возвышение единичного над всеобщим, возможно, лишь благодаря существованию некоего внешнего Абсолюта. Вот почему Кьеркегор считает, что «С точки зрения этического взгляда на жизнь задача единичного индивида состоит в том, чтобы избавиться от определения внутреннего и выразить его во внешнем» [14, с. 66]. Возможность такого выражения как раз, по мнению С. Кьеркегора и существует благодаря наличию некоего Абсолюта, то есть Бога. Конечно, не все философы стоят на религиозных позициях. Однако, даже для атеистов (по крайней мере, части из них) построение этической системы возможно лишь на базе пусть и не Божественного Откровения, но все же некоего трансцендентного по отношению к человеку Абсолюта. В противном случае, без Абсолюта человеческое мышление (и не только в области нравственности) становится абсурдным, именно таким оно и виделось экзистенциалисту атеистической школы А. Камю. Естественно, что в абсурдном мире абсурдного человека, невозможно построение этики как, чего-то всеобщего. Описывая процесс поиска человеком нравственных истин, А. Камю приходит к выводу о невозможности существования нравственного опыта в качестве некоей максимы, так как в самой жизни нет телеологического порядка, то есть порядок носит неразумный характер. «Какое правило можно вывести из этого неразумного порядка? Единственная истина, которая могла бы показаться поучительной, – считает А. Камю, – не имеет формального характера: она воплощается и раскрывается в конкретных людях. Итогом поисков абсурдного ума оказываются не правила этики, а живые примеры, доносящие до нас дыхание человеческих жизней» [15].

Если мы будем принимать в качестве исходной точки зрения эту идею А. Камю, то тогда поиск экзистенциально-нравственного смысла бизнеса полностью свелся бы к анализу жизни нескольких выдающихся бизнесменов. Именно такой способ анализа неосознанно применяется общественным мнением на постсоветском пространстве: вывод о том, что бизнес по своей природе безнравственен, – большинство людей делает

на основании данных о том как, например, в России были сколочены миллиардные состояния «новыми русскими» путем разворовывания страны. Автор, безусловно, не считает всех бизнесменов высококонрастными людьми. Однако он исходит из идеи целесообразности всякой морали, а, следовательно, весь дальнейший анализ будет строиться исходя из всеобщности этического. Поиск же экзистенциально-этического смысла бизнеса, на наш взгляд, наиболее плодотворен на пути, во-первых, понимания этического как всеобщего. «Этическое, как таковое, – писал С. Кьеркегор, – есть нечто всеобщее, а всеобщее – это то, что применимо к каждому, что может быть, с другой стороны, выражено так: оно имеет значимость в каждое мгновение» [14, с. 53]. А во-вторых, понимания несамодостаточности нравственности, возможности и необходимости ее телеологического обоснования. Именно из этих двух исходных посылок мы и будем в дальнейшем исходить.

На первый взгляд может показаться, что логическим следствием из данных посылок будет утверждение о безнравственности тех наших устремлений, которые не носят универсального, всеобщего характера. Так, например, стремление заниматься бизнесом присуще не всем людям, более того, оно и возникло в виде массового феномена лишь на определенной стадии человеческой истории, а, поэтому оно безнравственно по своей сущности. Соответственно нравственным оказывается из этого нового тезиса и из закона контрапозиции уже любое всеобщее наше устремление. Следовательно, практически все сферы человеческой деятельности можно назвать аморальными. Разрешение данного парадокса, на наш взгляд возможно лишь на пути признания телеологичности человеческой деятельности и конкретной формы выражения цели этой деятельности. Цель для того, чтобы быть этической – должна быть всеобщей. Способ же достижения этой цели может носить и частный характер. Таким образом, нельзя говорить о моральности или аморальности стремления бизнесмена к наживе как такового. Мы можем считать это стремление моральным, если оно ведет к достижению иной, универсальной для всех людей цели, и аморальным, если оно препятствует этой цели.

Что же является тем всеобщим, универсальным, основой этического? Автор придерживается той традиционной точки зрения при ответе на данный вопрос, которая была заложена в античности, а затем получила всестороннее развитие у И. Канта. «В древние времена, – писал И. Кант, – этика означала *учение о нравственности* вообще (*philosophia moralis*), которое также называли *учением о долге*. Позднее нашли благоразумным перенести это название на одну лишь часть учения о нравственности, а именно на учение о долге, который не подчинен внешним законам (это учение немцы предпочитают называть *учением о добродетели*); так что теперь система общего учения о долге делится на *учение о праве* (*ius*), которое имеет дело с внешними законами, и на *учение о добродетели* (*Ethica*), которое с ними дела не имеет» [16].

Любой долг предполагает наличие, какого-то принуждения, направленного против произвола человеческой воли. Это принуждение, согласно И. Канту, проявляется в виде закона, и имеет характер либо внешнего, либо внутреннего принуждения. Исходя из тождества человека свободного и человека морального, немецкий философ вообще лишает внешнее принуждение экзистенциально-этического смысла. «Но так как человек есть *свободное* (моральное) существо, – пишет он, – то понятие долга не может со-

держат никакого иного принуждения, кроме *самопринуждения* (посредством одного лишь представления о законе), когда принимают в соображение внутреннее определение воли (мотивы), ибо только так становится возможным соединять *принуждение* (если бы оно даже было внешним) со свободой произвола, но в таком случае понятие долга будет этическим понятием» [16, с. 313].

Таким образом, согласно И. Канту говорить об этическом смысле бизнеса нельзя под тем углом зрения, при котором оцениваем бизнес как систему внешних законов, способствующих, или, наоборот, препятствующих становлению нравственного человека. И если мы приведем пример того, что честные поступки для бизнесмена (в силу некоторых рыночных законов) выгодны, а, значит, сам рынок способствует выработке нравственности, то согласно И. Канту данный пример будет носить не этический, а правовой характер. Автор согласен с таким утверждением и считает, что бизнес (как, впрочем, и любая другая сфера человеческой деятельности) имеет характер внешнего закона, а, поэтому не имеет самостоятельного этического смысла. И дело здесь не только в том, что этически нейтрально само стремление человека к обогащению (но этически не нейтральны средства обогащения и его цель), дело именно в том, что любые внешние условия, подталкивающие человека к этическому, являются формальными условиями внешней, а не внутренней свободы. Однако нашей целью является анализ не просто этического смысла бизнеса, а именно экзистенциально-этического. И, если, раскрывая чисто экзистенциальный смысл мы раскрываем его с телеологических позиций, то в данном случае мы имеем ввиду только лишь то, что он является не целью, а создает определенные внешние условия, способствующие становлению подлинно нравственного человека, подчиняющегося внутреннему, категорическому моральному императиву или наоборот, препятствует этому становлению.

Наш анализ будет носить вынужденный феноменологический характер. Дело в том, что, во-первых, в различных обществах, в настоящее время, экзистенциально-этический смысл бизнеса различен, в силу того, что сам феномен бизнеса в этих странах существенно неоднороден. А, во-вторых, даже для бизнеса, разросшегося на Западе можно говорить лишь о его конкретно-историческом, экзистенциально-этическом смысле. Последний, с течением времени, настолько изменился, что во многих отношениях перешел в свою противоположность. Вот почему автор считает, что как ни странно правы одновременно те мыслители, которые описывают негативную экзистенциально-этическую роль бизнеса, так и те, которые придерживаются прямо противоположной точки зрения. Истина в данном случае носит не просто конкретно-исторический характер, она полифонична по своей природе. Однако, мы попытаемся выделить некоторые постоянные феномены бытия, непосредственно связанные с бизнесом и проанализировать их корреляционную взаимосвязь с этическим состоянием соответствующего общества.

В силу общей исходной установки автора на главенствующую роль сознания в общественно-историческом процессе, анализ необходимо начинать с анализа этической роли буржуазной морали в обществе в целом. Необходимость именно такого начала вытекает также из того, что в обществе, где экономика построена на основе капиталистических отношений, мораль главенствующего в экономическом плане класса, посте-

пенно, становится преобладающей (в том числе и в количественном аспекте) во всем обществе. Таким образом, происходит процесс мультипликации этической составляющей личности бизнесмена. Однако, парадокс этого процесса заключается в том, что в силу определенных условий данная мультипликация носит избыточный характер. Для понимания сущности этого парадокса обратимся опять к идеям И. Канта о различии этического и юридического в человеческом мышлении.

Анализируя человеческие поступки, немецкий философ различал те из них, которые совершены под воздействием чувства внутреннего долга (то есть подлинно этические), и те, которые порождены внешними причинами. И. Кант понимает, что на практике между ними зачастую очень трудно провести разграничение, особенно в тех случаях, когда поступок не просто внешне согласуется с долгом, но и человек непосредственно склонен совершать его. «Например, – отмечает он, – сообразно с долгом, конечно, то, что мелкий торговец не запрашивает слишком много у своего неопытного покупателя; этого не делает и умный купец, у которого большой оборот, а, напротив, каждому продает по твердо установленной общей цене, так что ребенок покупает у него с таким же успехом, как и всякий другой. С каждым, таким образом, поступают здесь *честно*. Однако этого далеко не достаточно, чтобы на этом основании думать, будто купец поступал так из чувства долга и по принципам честности; того требовала его выгода... Следовательно, такой поступок был совершен не из чувства долга и не из прямой симпатии, а просто с корыстными целями» [17, с. 232–233].

Автор категорически не согласен с тем, чтобы придать утверждению Канта характер всеобщности. И дело даже не в том, что для первых бизнесменов, честность носила характер более высокого, по сравнению с нравственным, религиозного долга. Но даже с утратой протестантской веры, не все бизнесмены поступают честно исходя только лишь из соображений получения прибыли. Однако, и утверждение о том, что, начиная с эпохи зарождения бизнеса и по настоящее время число бизнесменов поступающих формально честно, но не подлинно нравственно резко увеличилось, на наш взгляд не подлежит никакому сомнению. Более того, современный бизнесмен на Западе объективно вынужден не только поступать честно по отношению к обществу, но и заниматься различного рода благотворительной деятельностью. Последняя также не носит чисто альтруистического характера. Так как большинство из предпринимателей, по крайней мере, надеются на получение определенных дивидендов от своей филантропии. Понимают ли люди такие ожидания? Конечно, понимают, но в большинстве своем не осуждают их. «Характерно, – отмечает Н.Н. Зарубина, – что западное общество, имеющее духовный опыт протестантской этики, весьма позитивно приняло идею общепольности частной, основанной на достижении индивидуальной прибыли, предпринимательской деятельности, идею филантропии, приносящей не только благо обществу, но – в той или иной форме – и прибыль самому благотворителю – через повышение его авторитета и рост доверия к фирме» [18].

Обратим внимание, что если бизнесмены честны, но занимаются благотворительностью не всегда (и далеко не все) из этических соображений, то общество оценивает их деятельность уже не из внешних, а чисто из внутренних соображений, то есть из нравственных принципов, сущность которых заключается в следующем: без-

нравственно осуждать других людей за те поступки, которые ты сам мог бы совершить. Таким образом, правовое мышление бизнесменов опосредованным образом способствует выработке нравственного мышления общества в целом. Конечно, в данном случае мы имеем дело лишь с одним, первичным уровнем морали, тем уровнем, который О.В. Артемьева называет «моралью справедливости». «Мораль справедливости, – считает она, – основана на признании равенства всех людей в правах. Это признание фиксируется в универсальных принципах. Например: «Соблюдай право каждого человека на самореализацию»; «Соблюдай право каждого человека на жизнь» и т.п. Мораль справедливости обеспечивает взаимодействие людей, не состоящих в непосредственных отношениях. В связи с этим в данном взаимодействии люди предстают друг перед другом в качестве неких абстракций, освобожденных от конкретных характеристик... В этом смысле мораль справедливости внеперсональна и беспристрастна...» [19].

На наш взгляд, данный тип морали может обеспечивать и взаимодействие людей, находящихся в непосредственных отношениях (например, покупателя и продавца), однако такая мораль касается не отношений между людьми, а лишь отношения человека к некоему моральному принципу. «В отличие от морали справедливости, – пишет О.В. Артемьева, – мораль заботы – это мораль индивидуальных отношений. Она основана на чувстве непосредственной связи между людьми, предшествующем моральной убежденности в правильном и неправильном, в моральных принципах. Скажем, отношения матери к ребенку определяются не знанием универсальных принципов, а любовью и заботой о нем. Любовь и забота немислимы без понимания потребностей конкретного, непохожего на других человека, без «пристрастного» отношения к нему. В этом случае качество морального действия определяется способностью к сопереживанию, сочувствием, эмоциональной чуткостью» [19, с. 350].

Конечно, в реальном обществе существуют элементы обоих типов морали, однако доминирующее положение занимает лишь один из них. В современном западном мире – это мораль справедливости. Однако, нельзя считать, что такое положение дел является результатом широкого развития бизнеса. Скорее наоборот: протестантская мораль, на которой был основан бизнес, – и является моралью справедливости. Совсем на иной, конфуцианской морали основан бизнес в Японии и других странах Юго-Восточной Азии. Эта мораль рассматривает общество не как сумму абстрактных индивидов, а как органическую семью. Конечно, не с помощью бизнеса были заложены основы этой морали, однако экзистенциально-этическая роль бизнеса, на наш взгляд, в данном случае заключается во внешнем экстраполировании сферы действия морали заботы, в нравственном расширении самого понятия «семья». Так, например, если для японского крестьянина еще в начале XX века семья состояла из нескольких человек, то для его потомка в конце этого же века, семья – это огромная фирма, членами которой являются десятки тысяч человек. Практика показала, что такая система этических воззрений во многих отношениях оказалась более эффективной, чем западная. В том числе и в экономическом плане. Вот почему лозунг: «Мы единая семья» – в последнее время стала достаточно широко внедряться, например, на американских предприятиях (конечно, не на базе конфуцианства).

Говоря об экзистенциально-этическом смысле бизнеса, мы не можем ограничиваться лишь анализом влияния бизнеса как феномена бытия на становление нравствен-

ности в обществе. Бизнесмены в целом являются носителями определенного типа морали. Русский философ Н.А. Бердяев называл эту мораль «буржуазностью», вкладывая в понимание данного термина религиозно-метафизический, а не классовый смысл. «Буржуазность, – считал он, – есть приспособление к мировой данности в целях устроения, спокойствия и безопасности в этом мире. Буржуазность есть послушание положениям и оценкам, созданным инерцией и тяжестью этого мира. Буржуазно все, что оценивает человека не по качествам в нем, а по положению его, по окружающей его среде. Противоположно буржуазности всякое творческое преодоление мировой данности, выход из оценок мировой инерции. Противоположно буржуазности всякое жертвенное отречение от устроенности и безопасности. Мещанская мораль прикреплена к месту, ограничена данностью, боится всякого отрыва. В сущности, всякая бытовая мораль буржуазна» [20].

Итак, по мнению Н.А. Бердяева «буржуазность» и «мещанство» – в моральном плане тождественные понятия. Буржуазность постепенно расширяла свои границы, захватила большинство населения христианских стран и даже изменила в этих странах само христианство. «В XIX и XX вв., – считал Н.А. Бердяев, – господствующее моральное сознание отвергло последние остатки подлинного христианского аскетизма и христианской жертвы миром сим во имя трансцендентного устремления к миру иному. Победила мораль буржуазная, мораль условных ценностей положения в мире сем, ценностей богатства, власти, славы, наслаждения сексуального, наслаждения роскошью и комфортом. И само христианство становится все более и более буржуазным, из него исчезает подлинная святость, непримиримость к «миру», красота устремленности к миру иному» [20, с. 463].

Автор, безусловно, во многом не согласен с мнением Н.А. Бердяева о «буржуазности», если под последней понимать именно главенствующую среди бизнесменов мораль. Однако, его мысль о том, что в XIX и XX веках изменение христианства шло под влиянием так называемой «буржуазной морали» нам представляется во многом справедливым. Достаточно указать на тот хорошо известный факт, что эти изменения касались в первую очередь тех стран где бизнес получил широкое распространение (то есть протестантского и католического мира) и практически не коснулись православия, религии господствующей в тех странах, где буржуазная мораль не получила большого распространения. Нашей целью не является анализ происходящих в христианстве изменений, однако необходимо констатировать, что в этих изменениях во многом нашел свое конкретное выражение экзистенциально-нравственный смысл бизнеса.

Многие авторы считают систему бизнеса не просто внешним проявлением экономической свободы, но и органической составляющей всех гражданских свобод. Английский философ Т. Гоббс писал следующее: «Различие же между свободным гражданином и рабом состоит в следующем: свободный служит только государству, раб же – еще и согражданину» [21, с. 370]. Согласно вышеприведенной точке зрения главный этический смысл бизнеса в том, что он увеличивает число экономически свободных граждан и уменьшает тем самым число рабов.

В заключение отметим, что ответ на вопрос о том, как можно совместить индивидуальное стремление к обогащению со всеобщностью этического, на наш взгляд, дан

Гегелем. «...*Действительность и деятельность* каждого *единичного существа*, – писал он, – состоящие в том, чтобы *быть для себя* и заботиться о себе, в такой же мере обусловлены заранее предположенным *цельм*, в связи которого они только и существуют, в какой они представляют собой переход в некоторый *всеобщий продукт*. *Образ мыслей* индивидуумов есть *знание* о субстанции и о тождестве всех их интересов с *цельм*; и то, что другие единичные существа взаимно знают себя только в этом тождестве и действительно существуют в нем, есть *доверие* – подлинный нравственный образ мыслей» [22]. Автор не берется утверждать, что бизнес является лучшим способом укрепления доверия между людьми (скорее всего, наоборот, именно доверие является основой для подлинного бизнеса). По нашему мнению, только лишь там, где индивид ощущает себя частицей некоего целого, возможна реализация экзистенциально-нравственного смысла бизнеса, как, впрочем, и других форм человеческой деятельности.

На практике единство отдельного и целого в бизнесе проистекает следующим образом. Известно, что частная собственность приносит прибыль бизнесмену. Однако в прагматическом аспекте она выгодна также и всему обществу в целом. «Рыночная организация, – утверждает нобелевский лауреат по экономике Джеймс Бьюкенен, – основывается на том, что индивиды будут, в общем и целом, преследовать свой интерес. Но это не означает, что все до одного участники рыночных взаимодействий приложат максимум усилий для получения краткосрочных выгод. На самом деле это означает, что общественная философия рыночной организации признает возможность такого поведения, и нормы организации основаны на той точке зрения, что такое поведение может быть направлено на достижение состояния, в котором все члены общества получают выгоды, а не убытки. ...Рыночное устройство существует потому, что в реальной жизни не все люди отвергают эгоизм, и, следовательно, там, где возможно, стремление к личной выгоде должно использоваться в интересах общества» [23].

Л и т е р а т у р а

1. **Сартр Ж.П.** Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. **А.А. Яковлева**: Перевод. – М., 1989. – С. 321.
2. **Вригт Г.Х. фон.** Логико-философские исследования: Избр. тр. – М., 1986. – С. 194.
3. Социально-экономические, правовые и нравственно-политические аспекты предпринимательской деятельности: Материалы междунар. науч.-теор. конф. Минск 5–6 мая 1998 г. – Минск, 1998. – С. 116–117.
4. **Барт Р.** Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М., 1989. – С. 110–111.
5. **Федотова В.Г.** Когда нет протестантской этики // Вопросы философии, 2001, № 10. – С. 36.
6. **Поленов А.Я.** О крепостном состоянии крестьян в России // Русская философия собственности (XVIII–XX вв.). – СПб., 1993. – С. 34.
7. **Крымский С.Б.** Метаисторические ракурсы философии истории // Вопросы философии, 2001, № 6. – С. 41.

8. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII в.в.: [В 3 т.] Т. 3. – М., 1992. – С. 642.
9. *Туроу Л.* Будущее капитализма: как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. – Новосибирск, 1999. – С. 13.
10. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. – М., 1994. – С. 31.
11. *Неклесса А.И.* Трансмутация истории // Вопросы философии, 2001, № 3. – С. 67–68.
12. *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика. – СПб., 2000. – С. 48.
13. *Шафаревич И.Р.* Есть ли у России будущее? Публицистика. – М., 1991. – С. 33.
14. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. – М., 1993. – С. 57.
15. *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М., 1990. – С. 61.
16. *Кант И.* Сочинения в 6 т. Т.4. – Ч.2. – М., 1965. – С. 312.
17. *Кант И.* Сочинения в 6 т. Т.4. – Ч.1. – М., 1965. – С. 232–233.
18. *Зарубина Н.Н.* Без протестантской этики // Вопросы философии, 2001, № 10. – С. 48.
19. *Артемьева О.В.* Человек = мужчина + женщина // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. 1991. – М., 1992. – С. 350.
20. *Бердяев Н.А.* Философия свободы: Смысл творчества. – М., 1989. – С. 462–463.
21. *Гоббс Т.* Сочинения в 2 т. Т.1. – М., 1989. – С. – 370.
22. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук: В 3т. Т. 3. – М., 1977. – С. 340.
23. *Бьюкенен Дж. М.* Сочинения. – М., 1997. – С. 203–204.